

УДК 327.8

ПОЛИТИКА США В АФГАНИСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ БАЛАНСА СИЛ

П. А. Лузин

Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 117997, Москва, ГСП-7, ул. Профсоюзная, 23

pavel_all@mail.ru

Рассматривается современная внешняя политика США, проводимая в отношении Афганистана, в контексте вывода контингента НАТО из этой страны и создания новой модели взаимодействия этих стран. Цель исследования – выявить системные характеристики этой политики в ее исторической динамике и ключевые факторы, влияющие на нее, на основе системного, а также политэкономического анализа в рамках неоклассической теории международных отношений.

Ключевые слова: современные политические процессы в Афганистане, внешняя политика США, баланс сил в Центральной и Южной Азии, региональная безопасность.

Политическая суть афганской проблемы в контексте внешней политики США и международных отношений в целом выходит далеко за рамки частных вопросов о форме возможного присутствия стран международной коалиции в Афганистане после вывода ее основных сил в 2014 г. или о влиянии политических процессов в этой стране на соседние страны. Главную проблему исследования можно сформулировать следующим образом: основные векторы политики США, проводимой в отношении Афганистана сегодня, и факторы, оказывающие на них основное влияние. Для разрешения этой проблемы используется метод системного анализа международных отношений, разработанный российской школой международных исследований [Косолатов, 1994; Богатuroв, Косолатов, Хрусталеv, 2002; Хрусталеv, 2008], а также метод политэкономического анализа международных отношений, разработанный Р. Гилпином [Gilpin, 2001].

Основная гипотеза исследования заключается в том, что Афганистан как государство является частью региональной системы баланса сил на стыке Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии и в контексте реструктуризации этой системы, на которую вынуждены реагировать Соединенные Штаты Америки, представляет собой один из важнейших факторов этого процесса.

Политические предпосылки афганской кампании 2001 г.

Политическим предпосылкам вторжения войск международной коалиции, главным образом США, в Афганистан посвящен огромный пласт исследовательской, мемуарной и публицистической литературы (см., например [Barfield, 2010, p. 272–336; Dorronsoro, 2005, p. 301–329; Hopkins, 2008, p. 163–175; Шебаршин, 2002, с. 202–246]). Главной предпосылкой и причиной афганской кампании в этой литературе признается теракт 11 сентября 2001 г., совершенный в Нью-Йорке террористами радикального исламистского движения Аль-Каида, что не может считаться удовлетворительным объяснением, поскольку мотив возмездия делает политическую составляющую военной операции длиной в тринадцать лет попросту непознаваемой.

Если обратиться к международной ситуации вокруг Афганистана накануне 2001 г., то фактором, определившим значимость этой страны для региона, является приход к власти движения Талибан. Сложившаяся в 1996 г. вокруг этого события международная политическая ситуация имела следующие особенности.

Во-первых, противостояние между талибами, контролировавшими основную территорию страны, и оппозиционным Северным альянсом обусловило разделение внешних по отношению к Афганистану игроков. Пакистан, Саудовская Аравия, Туркмения налаживали связи с талибами, Индия, Иран, Россия, Таджикистан, Узбекистан делали ставку на альянс.

Во-вторых, в этой ситуации оставалась неясной позиция Китая. С одной стороны, в Пекине работало представительство оппозиционных талибам афганских сил, с другой стороны, китайцы воспринимали Талибан в контексте проблемы уйгурского сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР [Ahrari, 2000, p. 658–671] и поэтому пытались установить как минимум неформальные контакты с новой властью в Кабуле [Factbox: Relations..., 2011].

В-третьих, контролирование талибами большей части Афганистана усугубило политическую неопределенность в регионе, где оставались неразрешенными проблемы пакистано-индийских и китайско-индийских отношений и где происходило усиление политического и военного влияния Ирана.

В-четвертых, США оказались на второстепенной роли в этой сложной региональной ситуации, их попытки установить контакты с талибами не увенчались успехом [Katzman, 2001, p. 13–15], а оставшаяся на территории Северного альянса инфраструктура ЦРУ не позволяла влиять на ситуацию [Prados, 2002, p. 466–471].

И если учесть то, что в 1998 г. против Индии и Пакистана Вашингтон ввел санкции из-за проведенных этими государствами ядерных испытаний, а американо-иранские отношения с 1979 г. оставались враждебными, то афганская ситуация поставила под вопрос способность американцев участвовать в политических делах региона в принципе.

Исходя из сказанного, в качестве главных политических предпосылок начала Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО афганской военной кампании в 2001 г. можно считать необходимость перехвата политической инициативы в делах региона и необходимость внесения большей определенности и предсказуемости в региональную политическую ситуацию. Мотив возмездия после терактов 11 сентября 2001 г. сыграл роль *casus belli*.

Результаты «воссоздания государства» в Афганистане

Спустя тринадцать лет с начала военной кампании, когда войсковые контингенты стран Североатлантического альянса завершили свою миссию в Афганистане, внешнему наблюдателю необходимо ответить на вопрос: достигнуты ли политические цели кампании? Ответ на него будет утвердительным с некоторыми оговорками.

В регионе, включающем в себя Средний Восток, Южную Азию и Центральную Азию, Соединенные Штаты укрепили свои политические позиции. Сегодня там нет ни одного серьезного политического или экономического процесса, который бы происходил без участия американской стороны. Однако такой констатации явно недостаточно для понимания сложившегося положения дел.

Прежде всего необходимо разобраться в том, какова сегодня региональная политическая роль движений Талибан, Хаккани и Аль-Каиды. Для этого необходимо использовать методологию анализа идеологических предпочтений, разработанную Н.А. Косолаповым [Косолапов, 1994].

Политический феномен Аль-Каиды еще нуждается в полноценном исследовании, но в данной статье вполне адекватным будет его определение как неструктурированного конгломерата радикальных исламских (суннитских) политических сил, находящихся за пределами современной системы международных отношений. Правда, это не значит, что системные игроки и Аль-Каида никак не взаимодействуют. Тем не менее Аль-Каида сегодня представляет собой маргинальную политическую силу в Афганистане и регионе в целом. Американская сторона оценивает максимальную численность этого движения в несколько сотен человек [Officials: Al-Qaida..., 2014], что не позволяет говорить о нем как о серьезном претенденте на власть в тридцатимиллионной стране. Его участники сосредоточены в восточных провинциях Нангархар, Кунар и Нуристан [Katzman, 2013, p. 14–15; Officials..., 2014]. При этом Нангархар и Кунар относятся к наиболее бедным провинциям Афганистана, имея по данным Всемирного банка соответственно 60 и 62% населения за чертой бедности [Afghanistan: Poverty...]. Нуристан, являясь не столь бедным регионом (25% населения проживает за чертой бедности) [Там же], остается самой малочисленной провинцией Афганистана (чуть более 140 тыс. человек) [Settled Population...]. К тому же Нуристан наряду с Кунаром находится в стороне от основных транспортных маршрутов.

Таким образом, малочисленные боевые группы так называемой Аль-Каиды локализованы на востоке страны и их существование обусловлено радикальной политической реакцией части населения вследствие бедности и крайней ограниченности социально-экономических перспектив. К тому же за симпатии радикально настроенной части населения Аль-Каиде приходится бороться с гораздо более многочисленным Талибаном.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении движения Хаккани, с той лишь разницей, что это движение имеет основных сторонников в бедных и более населенных восточных провинциях Хост, Пактика, Пактия и Логар [Settled Population...]. Проблемой движения Хаккани является его близость с талибами. Идеологически их сложно различить, из чего можно заключить, что само

по себе это движение на власть претендовать не может.

С Талибаном ситуация сложнее. Если посмотреть на регионы его наибольшей активности сегодня, то, с одной стороны, это все те же крайне бедные восточные провинции Афганистана со свойственным им радикализмом, а с другой стороны, это южные провинции страны, прежде всего Гильменд [In Old Taliban..., 2013; Katzman, 2013, p. 13–14, The Taliban, 2012]. Эта провинция характеризуется высокой численностью населения (около 880 тыс. человек) [Settled Population...] и сравнительно низким числом бедноты – 9% [Afghanistan: Poverty...].

Такой, на первый взгляд, парадокс объясняется тем фактом, что Гильменд – главный центр производства опиумного мака [Afghanistan Opium..., 2013]. Другими словами, симпатии населения южных провинций Афганистана к Талибану обусловлены их консервативной идеологической ориентацией, основанной на стремлении сохранить имеющийся социально-экономический порядок, гарантированный минимум благосостояния [Косолапов, 1994, с. 49–72]. Этому порядку, безусловно, угрожает нынешнее афганское правительство, целью которого является включение Афганистана в существующую систему международных отношений, а значит, в легальные международные экономические связи.

Конфликтный характер ситуации в южных провинциях определяется еще и тем, что их с запада на восток пересекает дорога, служащая одним из важнейших транзитных афганских маршрутов. Контроль над этой дорогой – задача любой власти в Кабуле, равно как и производителей опиумного мака. С другой стороны, для талибов на юге Афганистана и населения, производящего опиумный мак, это задача сохранения нынешних позиций.

Следовательно, сегодняшний афганский Талибан социально-политически, идеологически и территориально фрагментирован (есть также и пакистанский Талибан, но его рассмотрение здесь не входит в наши задачи). Речь идет как минимум о двух фракциях: восточной, опирающейся на бедное и радикально настроенное население и конкурирующей с другими местными радикальными движениями, и южной, опирающейся на крестьян, стремящихся сохранить нынешний уровень социально-экономической стабильности и вряд ли готовых рисковать этой стабильностью ради захвата власти в Кабуле. И, хотя политическая обстановка в Афганистане остается крайне сложной, говорить об угрозе повторного захвата власти талибами вряд ли следует. Более того, продолжающийся процесс разложения племенной организации этноса пуштунов, составляющего фундамент Талибана и других исламистских радикальных течений, разрушает основу того племенного компромисса, который позволил талибам захватить власть в стране в 1996 г.

Неразрешенной остается проблема трансграничного характера указанных радикальных движений, проблема их нахождения в северо-западной части Пакистана. Однако и в Пакистане они опираются на бедные радикально настроенные слои населения и испытывают все те же трудности, связанные с фрагментацией самих движений и процессом разложения племенного строя пуштунов. Что касается вопроса о связи этих движений с пакистанскими спецслужбами [Kerel, 2006, p. 228–231], то для ответа на него важно учитывать эволюцию расклада сил в регионе в последние два десятилетия.

В середине 1990-х гг. Пакистан на фоне гражданской войны в Афганистане проявил заинтересованность в развитии связей с Талибаном, рассчитывая с его помощью укрепить свои внешнеполитические позиции перед лицом Индии, Ирана и даже Саудовской Аравии, также оказывавшей широкую поддержку талибам и занявшей покровительственную позицию по отношению к Исламабаду [Kerel, 2006, p. 228–231, Замараева, 2014]. Сегодня в Кабуле находится правительство, отвечающее пакистанским интересам, и вместо того, чтобы быть проводником саудовского влияния в регионе, Пакистан предпочитает сохранять баланс между Эр-Риядом и Тегераном. Об уменьшении политической роли Талибана говорит и закрытие представительства движения в Дохе летом 2013 г. [How Taliban..., 2013]. К тому же на фоне усиления позиций исламских радикалов в соседнем регионе Ближнего Востока вследствие событий «Арабской весны» и гражданской войны в Сирии политическая повестка талибов приобрела сугубо локальный характер, перестав быть актуальной для суннитского мира в целом.

Другими словами, Талибан маргинализировался не только внутри Афганистана, но и в контексте региональной системы международных отношений. Безусловно, это является следствием многолетней военной кампании Соединенных Штатов и их союзников по НАТО в Афганистане.

В то же время следует избегать определения Афганистана как американского сателлита, не-

смотря на всю экономическую слабость этого государства и зависимость от внешней финансовой помощи. Важно понимать, что изначальной целью Соединенных Штатов была его политическая устойчивость и предсказуемость [Katzman, 2001, p. 13–15]. Именно в этом контексте и надо оценивать, как результаты и последствия американской политики в Афганистане, так и афганские внутривнутриполитические процессы. Прежде всего необходимо обратить внимание на очередной цикл выборов афганского президента и рассматривать его сквозь призму этноплеменного консенсуса, на котором базируется политическая система современного Афганистана.

Хамид Карзай оба свои президентских срока занимался достижением и поддержанием такого консенсуса, основу которого составляют пуштунское большинство и узбекское и хазарейское меньшинства. Выборная кампания 2014 г. продемонстрировала, что, во-первых, такая система вполне стабильна и, во-вторых, в сегодняшнем Афганистане появились два устойчивых вектора развития данной системы.

Первый вектор представляет пуштун Ашраф Гани Ахмадзай, который, идя на президентские выборы, олицетворял вместе со своей командой указанный межплеменной консенсус (возможно, на данном этапе правильнее вести речь лишь об устойчивом компромиссе). Узбекское меньшинство представлял генерал Абдул Рашид Дустум, а хазарейское меньшинство – Сарвар Даниш. Другой кандидат на пост президента, Абдулла Абдулла, поддерживал идею межплеменного компромисса благодаря своему таджикско-пуштунскому происхождению. В целом этот вектор можно охарактеризовать как консервативный, поскольку он основывается на преемственности курса Хамида Карзая. Данный вывод подтверждается и тем, что оба кандидата вышли во второй тур, а затем на протяжении нескольких месяцев оспаривали друг у друга победу, итогом чего стала победа А.Г. Ахмадзая и пост премьер-министра у А. Абдуллы.

Второй вектор представлял пуштун Абдул Расул Сайяф, который предложил вариант межэтнического и межплеменного консенсуса, основанного на общем исламском идеологическом базисе. А.Р. Сайяф опирался главным образом на городские слои Афганистана, которые в максимальной степени ощущают на себе процесс разложения племенного устройства афганцев, но все же сохраняют представление о своей этнической или племенной принадлежности. Этот политический вектор можно охарактеризовать как прогрессистский и, вероятно, опережающий развитие Афганистана, в котором городское население составляло на 2011 г. едва ли 24% [Afghanistan – Urban...].

Оба эти вектора не противоречат друг другу, а отражают устойчивую социально-политическую эволюцию Афганистана – от этноплеменного консенсуса к полноценной исламской республиканской модели, специфика которой, правда, исследована еще недостаточно. Важно, что препятствия для этого процесса заключены не во внесистемных по отношению к существующей политической системе страны силах, как движение Талибан и его аналоги, а внутри этой системы. Речь идет о том, насколько новые власти будут способны поддерживать и развивать наметившийся консенсус, насколько они будут способны создать условия для повышения уровня жизни в восточных провинциях, интегрировать их граждан в легальный политический процесс, создать условия для развития легальной экономики в южных провинциях.

Стратегия Вашингтона в решении афганского вопроса после 2014 г.

Создание США системы сотрудничества с Афганистаном после 2014 г. происходит в контексте описанного политического развития Афганистана, а также в контексте формирования региональной системы баланса сил. В связи с этим интересны два документа: американо-афганское соглашение о стратегическом партнерстве, заключенное в 2012 г., и двустороннее соглашение о безопасности, подписанное в сентябре 2014 г.

Очевидно, что главной целью Вашингтона является воссоздание транзитных маршрутов на территории Афганистана, что позволит создать прочную основу для развития легальной афганской экономики и для стабильного существования государства [Cronin, 2002, p. 23–29]. В свою очередь, без стабильного государства полноценное функционирование транзитных путей невозможно. Судя по всему, выходом из этой ситуации и является ставка американцев на подготовку и оснащение афганских национальных сил безопасности, что прописано в соглашении о стратегическом партнерстве [Enduring Strategic..., 2012] и что следует из данных об оказываемой США помощи афганским властям [Katzman, 2013, p. 62–74]. Получается, что институциональная роль афганской армии и полиции должна заключаться не только в обеспечении безопасности граждан и проведении операций против радикалов, но и в сохранении политэкономического порядка (главным образом по-

рядка сбора транзитных пошлин) как минимум вдоль основных транспортных магистралей.

В условиях относительной слабости институциональных сдержек и противовесов в политической системе, основанной на этноплеменном консенсусе, афганская армия и полиция нуждаются в ином механизме контроля своей деятельности. И такой механизм де-факто пытаются реализовать американцы в рамках двустороннего соглашения о безопасности. Речь идет о том, что после вывода войск НАТО в декабре 2014 г. США сохраняют в Афганистане персонал для дальнейшей тренировки афганских силовиков, а также контингент численностью до 10 тыс. человек для проведения специальных операций и право пользования военной инфраструктурой страны [U.S. Said to..., 2014].

Таким образом, заключение двустороннего соглашения о безопасности для Вашингтона является инструментом, гарантирующим сохранение достигнутых результатов в деле воссоздания государства и обеспечивающим дальнейшее движение по этому пути. Для Афганистана это соглашение предусматривает механизм, вписанный в политическую систему государства. Высокую внутривнутриполитическую значимость данного соглашения характеризует и тот факт, что его подписание, предполагавшееся еще в последние месяцы правления Хамида Карзая, в итоге оказалось возможным лишь после окончательного избрания нового президента (см., например [Karzai Arranged..., 2014]). Для афганских властей политическим приоритетом является укрепление этноплеменного консенсуса, для американцев политическим приоритетом является устойчивость политической системы Афганистана, особенно в свете того что с афганскими силами безопасности, объективно превратившимися в важный политический институт, необходимо сохранять высокую степень взаимодействия.

Вместе с тем изначальная цель Вашингтона, определенная к моменту вторжения в Афганистан в 2001 г. и обозначенная в начале данной статьи, получила свое развитие. Американцы сегодня, несомненно, играют одну из ключевых ролей в регионе, и теперь им необходимо как минимум поддерживать наметившуюся систему баланса сил, а как максимум – влиять на вектор ее развития.

Если мы вновь обратимся к американо-афганскому соглашению о стратегическом партнерстве, то найдем в нем одну важную деталь: США обязуются оказывать Кабулу помощь в случае внешней угрозы либо прямой агрессии [Enduring Strategic..., 2012]. Учитывая роль Пакистана в приходе талибов к власти в Афганистане в 1996 г., а также политическое состояние Пакистана сегодня, натянутые американо-пакистанские отношения и отсутствие угрозы Афганистану со стороны Ирана, можно считать, что упрочение власти в Кабуле является для американцев одним из залогов предсказуемости Исламабада. Наряду с Индией, с которой у США с 2004 г. установлены крепкие партнерские связи, Афганистан является региональным игроком, лояльным Вашингтону. Но если Индия сегодня объективно представляет один из кросс-региональных центров силы, то экономические и политические возможности Афганистана позволяют ему стать «медиатором» региональных экономических и политических интересов Индии, Пакистана, Ирана, Китая и Саудовской Аравии и обеспечить участие США в их «регулировании».

Проблемой, требующей дальнейшего изучения, является динамика международного использования восстанавливаемой транспортной системы Афганистана [Афганистан: Страновой..., 2009]. В 2013 г. Всемирная торговая организация смогла подсчитать афганский экспорт транспортных услуг только за 2010 г., и он составил порядка 224 млн долларов, или 7,3 % от общего экспорта услуг этой страны, на фоне импорта транспортных услуг на сумму порядка 530 млн долларов [Afghanistan..., 2013]. Поскольку сегодня других данных об этом нет, как нет данных об афганском реэкспорте товаров, трудно сделать вывод о том, какова реальная экономическая роль Афганистана как регионального сухопутного транспортного перекрестка. Соответственно, мы можем лишь предполагать, что развитие этой функции происходит. Косвенно об этом свидетельствует переориентация большей части сугубо афганского импорта с пакистанских на иранские порты: доля первых упала к концу 2013 г. на 75%, тогда как доля вторых тогда же выросла на 60% [Afghan transit..., 2014]. Кроме того, афганское правительство в последнее время принимает протекционистские меры против пакистанских экспортеров, использующих территорию Афганистана для торговли со странами Центральной Азии [Transit trade..., 2013].

Приведенные данные позволяют заключить, что постепенно происходит качественное изменение роли Афганистана в региональной торговле: из экспортно-импортного «придатка» пакистанской экономики, каковым он являлся в предыдущие два десятилетия [Afghanistan country..., 2014],

он превращается в игрока с диверсифицированными торговыми связями. Правда, данные ВТО говорят лишь о некотором снижении доли Пакистана в афганской внешней торговле в 2009–2013 гг. [Afghanistan..., 2009, p.3; 2010, p.3; 2011, p.7; 2012, p.7; 2013, p.7; Decline in Afghan..., 2014]. Однако от нового афганского президента следует ожидать серьезных усилий в этом направлении, а также политического содействия США таким усилиям. Приоритетным в этом случае, вероятно, будет расширение афганской торговли с Индией, а затем и увеличение транзита индийских грузов через Афганистан и, разумеется, Пакистан в северные районы Ирана и Центральную Азию.

Таким образом, для Вашингтона в период после 2014 г. ключевыми задачами в Афганистане являются сохранение политических рычагов воздействия на афганские силы безопасности как важный институт политического и экономического порядка, а также содействие расширению транзитного потенциала и диверсификации его внешней торговли.

Контурь региональной системы баланса сил

Пониманию политики США в Афганистане будет способствовать комплексное исследование региональных политических процессов, в которые вовлечен Афганистан и на которые он оказывает влияние. Оно поможет определить не только прямые следствия усилий Вашингтона и его союзников в решении афганского вопроса, но и неизбежное их влияние на американскую внешнеполитическую повестку на Ближнем и Среднем Востоке и в Южной Азии в целом. В рамках данной статьи правильным представляется обращение к наиболее явным, подтверждающимся фактами тенденциям в международном процессе вокруг Афганистана.

В качестве системной тенденции следует выделить включение Китая в процесс укрепления региональных позиций Афганистана. В 2007 г. китайские горно-металлургические компании «Metallurgical Corporation of China» и «Jiangxi Copper Corporation» выиграла тендер на разработку медного месторождения в Логаре, причем одним из условий победы стало обязательство инвестирования в инфраструктуру этой одной из беднейших провинций. В 2011 г. китайская государственная нефтяная компания «China National Petroleum Corporation» начала освоение нефтеносных районов на северо-западе Афганистана вместе с афганской компанией «Watan Oil & Gas». Все это вкуче со стратегией «нового шелкового пути», реализуемой Китаем в Центральной Азии и на Среднем Востоке в связи с необходимостью связать индустриализируемый китайский Синьцзян-Уйгурский автономный район с рынками сбыта, выводит устойчивость и безопасность Афганистана в разряд китайских долгосрочных интересов. Фактически американские и китайские интересы локально совпадают, что уже находит понимание в Вашингтоне [Downs, 2012, p. 65–84].

Другой системной тенденцией является усиление политической конкуренции США и их союзников с Китаем в макрорегионах Тихого и Индийского океанов [Войтоловский, 2012, с. 105–117]. В связи с этим стоит указать на «треугольник» Япония–Индия–Австралия, объединяющий промышленные страны этих макрорегионов, озабоченные экономическим и политическим усилением КНР [Chanlett-Avery, Vaughn, 2008, p. 1–17]. В то же время все три страны, особенно Япония и в несколько меньшей степени Австралия и Индия, входят в число ключевых государств, содействующих восстановлению Афганистана. Проявление указанных двух системных тенденций определяет и долгосрочный характер участия Америки в делах Афганистана – роль арбитра интересов промышленных держав региона, связанных с рынками сбыта, рынками ресурсов, а также с континентальными транспортными коридорами.

В афганском вопросе также значимыми являются политические процессы в исламском мире в целом. В первую очередь следует говорить о политических противоречиях суннитской и шиитской ветвей, которые поддерживаются соответственно Саудовской Аравией и Ираном. Интересы этих государств пересекаются как в Афганистане, так и в Пакистане. Политика Тегерана направлена на сбалансированное сотрудничество с Пакистаном, Индией и Китаем. Более того, Индия долгие годы занимала компромиссную позицию в отношении иранской ядерной программы [Squassoni..., 2006, p. 3–7]. В то же время Саудовская Аравия делает ставку на сотрудничество с Пакистаном [Замараева, 2014] и длительное время оказывала политическую поддержку движению Талибан. При такой расстановке сил закономерным будет приобретение Афганистаном роли политического «довеска» в региональных делах. Для США это создает дополнительные политические возможности в условиях сохранения сложности их прямых взаимоотношений с Ираном и Пакистаном и необходимости поддерживать союзнические отношения с Саудовской Аравией.

Еще одной важной долгосрочной региональной проблемой, в разрешении которой стабиль-

ность Афганистана будет играть большую роль, является выработка вписанной в международное право системы политических решений, которые бы затрагивали ядерные арсеналы Индии и Пакистана, урегулировали проблему иранской ядерной программы и способствовали соблюдению режима нераспространения ядерного оружия в целом. Афганистан, граничащий с тремя ядерными державами и Ираном и официально выступающий за ядерное разоружение [Afghanistan Foreign Policy...], в случае своего устойчивого политического и экономического развития в региональном контексте способен стать одним из значимых сторонников соблюдения принципов Договора о нераспространении ядерного оружия.

Политика, проводимая США в отношении Афганистана, изначально определялась необходимостью восстановить их участие в делах региона. Главным итогом военной кампании НАТО в Афганистане стала политическая маргинализация Талибана и других радикальных исламистских течений. Политическое будущее Афганистана зависит от того, насколько его власть будет способна поддерживать и развивать наметившийся этноплеменной консенсус, создавать условия для повышения уровня жизни в восточных провинциях, интегрировать их граждан в легальный политический процесс и создать легальную экономику в южных провинциях. Непосредственно для Вашингтона после 2014 г. ключевыми задачами в Афганистане являются сохранение политических рычагов воздействия на афганские силы безопасности как важный институт политического и экономического порядка, а также содействие расширению транзитного потенциала и диверсификации внешней торговли. В региональном контексте для американцев наиболее закономерной представляется роль арбитра интересов промышленных держав региона, связанных с рынками сбыта, рынками ресурсов, а также с континентальными транспортными коридорами. В то же время Афганистан может претендовать на важную роль политического «довеска» в региональных делах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Afghan transit trade continued to divert to Iran during 2013 // The International News. 2014. 3 January. URL: <http://www.thenews.com.pk/Todays-News-7-224125-Afghan-transit-trade-continued-to-divert-to-Iran-during-2013> (дата обращения: 14.04.2014).
- Afghanistan – Urban Population // Index Mundi. URL: <http://www.indexmundi.com/facts/afghanistan/urban-population> (дата обращения: 14.04.2014).
- Afghanistan // Trade Profiles. 2009, 2010, 2011, 2012, 2013 / World Trade Organization.
- Afghanistan country brief // Department of Foreign Affairs and Trade / Australian Government. 2014. January. URL: http://www.dfat.gov.au/geo/afghanistan/afghanistan_country_brief.html (дата обращения: 14.04.2014).
- Afghanistan Foreign Policy // Ministry of Foreign Affairs of Islamic Republic of Afghanistan. URL: <http://mfa.gov.af/en/page/3883> (дата обращения: 14.04.2014).
- Afghanistan Opium Survey 2013: Summary Findings. United Nations Office on Drugs and Crime. 2013. November. P. 6. URL: http://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan_report_Summary_Findings_2013.pdf (дата обращения: 14.04.2014).
- Afghanistan: Poverty and Inequality // Site Resources / World Bank. URL: <http://siteresources.worldbank.org/SOUTHASIAEXT/Resources/223546-1328913542665/8436738-1340096876009/StatPlanet.html> (дата обращения: 14.04.2014).
- Chanlett-Avery E., Vaughn B. Emerging Trends in the Security Architecture in Asia: Bilateral and Multilateral Ties Among the United States, Japan, Australia, and India // Congressional Research Service Report. 2008. 7 January. 20 p.
- China Shows Interest in Afghan Security, Fearing Taliban Would Help Separatists // The New York Times. 2012. 8 June. URL: <http://www.nytimes.com/2012/06/09/world/asia/china-signals-interest-in-afghanistan-after-nato-leaves.html?ref=janeperlez> (дата обращения: 14.04.2014).
- Cronin R. P. Afghanistan: Challenges and Options for Reconstructing Stable and Moderate State // Congressional Research Service Report. 2002. 10 May.
- Decline in Afghan transit trade // Dawn.com. 2013. 29 April. URL: <http://www.dawn.com/news/1025675/decline-in-afghan-transit-trade/> (дата обращения: 14.04.2014).
- Downs E. China Buys into Afghanistan // SAIS Review. 2012. Vol. 32, No. 2. Summer-Fall.
- Enduring Strategic partnership agreement between the United States of America and the Islamic Republic of Afghanistan. 2012. 2 May.
- Factbox: Relations between Afghanistan and China // Reuters. 2011. 4 October. URL: <http://www.reuters.com/article/2011/10/04/us-afghanistan-china-fb-idUSTRE79325D20111004> (дата обращения: 14.04.2014).
- How Taliban talks have become deadlocked in Doha // BBC News Asia. 2013. 12 July. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-23274081?print=true> (дата обращения: 14.04.2014).

- In Old Taliban Strongholds, Qualms About What Lies Ahead // The New York Times. 2013. 8 January. URL: <http://www.nytimes.com/2013/01/09/world/asia/in-old-taliban-strongholds-qualms-on-what-lies-ahead.html?ref=alissajohannsenrubin> (дата обращения: 14.04.2014).
- Karzai Arranged Secret Contacts With the Taliban // The New York Times. 2014. 3 February. URL: http://www.nytimes.com/2014/02/04/world/asia/karzai-has-held-secret-contacts-with-the-taliban.html?_r=0 (дата обращения: 14.04.2014);
- Katzman K. Afghanistan: Current Issues and U.S. Policy Concerns // Congressional Research Service Report. 2001. 15 November.
- Katzman K. Afghanistan: Post-Taliban Governance, Security and U.S. Policy // Congressional Research Service Report. 2013. January.
- Officials: Al-Qaida plots comeback in Afghanistan // Associated Press. 2014. 28 February. URL: <http://news.yahoo.com/officials-al-qaida-plots-comeback-afghanistan-050828184.html> (дата обращения: 14.04.2014).
- Settled Population by Civil Division, Urban, Rural and Sex-2012-13 // Estimated Population of Afghanistan 2012-13 / Central Statistic Organization of Islamic Republic of Afghanistan. URL: <http://cso.gov.af/Content/files/Settled%20Population%20by%20Civil%20Division,.pdf> (дата обращения: 14.04.2014).
- Squassoni Sh. India and Iran: WMD Proliferation Activities // Congressional Research Service Report. 2006. 8 November.
- The Taliban // Mapping Militant Organizations / Stanford University. 2012. 28 November. URL: http://www.stanford.edu/group/mappingmilitants/cgi-bin/groups/print_view/367 (дата обращения: 14.04.2014).
- Transit trade: Pakistan's perishable goods export to Central Asia to get a boost // The Express Tribune. 2013. 20 October. URL: <http://tribune.com.pk/story/619849/transit-trade-pakistans-perishable-goods-export-to-central-asia-to-get-a-boost/> (дата обращения: 14.04.2014);
- U.S. Said to Weigh 10,000 Troops or None in Afghanistan // Bloomberg. 2014. 23 January. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2014-01-22/u-s-said-to-weigh-10-000-troops-or-none-in-afghanistan.html> (дата обращения: 14.04.2014).
- Афганистан: Страновой отчет о проделанной работе по реализации Плана действий для Стратегии по транспорту и содействию торговле // Центрально-Азиатское региональное экономическое сотрудничество. 2009. 25 апреля.

Библиографический список

- Ahrari M. Ehsan.* China, Pakistan, and the «Taliban Syndrome» // Asian Survey. 2000. Vol. 40, No. 4.
- Barfield T.* Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton University Press, 2010.
- Dorransoro G.* Revolution Unending. Afghanistan: 1979 to the Present. London: 2005.
- Gilpin R.* Global political economy: understanding the international economic order. Princeton University Press, 2001.
- Hopkins B.D.* The Making of Modern Afghanistan. Palgrave Macmillan, 2008.
- Kepel G.* Jihad: The Trail of Political Islam. I.B. Tauris & Co, 2006.
- Prados J.* Notes in the CIA's Secret War in Afghanistan // The Journal of American History. 2002. Vol. 89, No. 2.
- Богатуров А.Д., Косолатов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002.
- Войтоловский Ф.Г.* Перспективы исхода НАТО из Афганистана // Год Планеты 2012. Экономика, политика, безопасность: ежегодник / отв. ред. В.Г. Барановский. М., 2012.
- Замараева Н.* Пакистан – Саудовская Аравия: стратегическое сотрудничество. Ч. 1 // Новое Восточное обозрение. 2014. 28 марта. URL: <http://ru.journal-neo.org/2014/03/28/rus-pakistan-saudovskaya-araviya-strategicheskoe-sotrudnichestvo-chast-1/> (дата обращения: 14.04.2014).
- Косолатов Н.А.* Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М., 1994.
- Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М., 2008.
- Шебаршин Л.* Рука Москвы: записки начальника советской разведки. М., 2002.

Дата поступления рукописи в редакцию 29.07.2014

U.S. POLICY IN AFGHANISTAN AND THE TRANSFORMATION OF REGIONAL “BALANCE OF POWER” SYSTEM

P.A. Luzin

Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, GSP-7, Profsoyuznaya str., 23, 117997, Moscow, Russia
pavel_all@mail.ru

The paper presents the analysis of the current U.S. foreign policy toward Afghanistan within the context of the NATO withdrawn from the country, as well as the development of the new sustainable U.S.-Afghan relations. The research goal is to discover the system dimensions and the key factors of the U.S. policy during last years. The research methodology is system and political economy analysis of international relations within neoclassical theory. The main focus of the research is made on the changes in the Afghan domestic policy including fragmentation and marginalization of Taliban and other radical Islamic movements as the further decay of the Pushtun tribal structure, the evolution of inter-ethnic compromise and the results of the “reconstruction of the state” in the context of the NATO’s military campaign and the U.S. political goals in Afghanistan and around in 2001–2014. At the same time, the author investigates the key points of the U.S. political strategy in Afghanistan after 2014 in relation to the transforming regional system of the balance of power. Besides that, the research examines the current role of Afghanistan as the regional transport crossroads in its relationship with the American policy toward Afghanistan and international policy in the South Asia and the Middle East in general.

Key words: contemporary political processes in Afghanistan, U.S. foreign policy, balance of power in Central and South Asia, regional security.

References

- Ahrari, M. Ehsan.* China, Pakistan, and the «Taliban Syndrome». *Asian Survey*. 2000. Vol. 40, No. 4.
- Barfield T.* Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton University Press, 2010. 404 p.
- Dorransoro G.* Revolution Unending. Afghanistan: 1979 to the Present. London: 2005. 400 p.
- Gilpin R.* Global political economy: understanding the international economic order. Princeton University Press, 2001.
- Hopkins B.D.* The Making of Modern Afghanistan. Palgrave Macmillan, 2008. 279 p.
- Kepel G.* Jihad: The Trail of Political Islam. I.B. Tauris & Co, 2006.
- Prados J.* Notes in the CIA’s Secret War in Afghanistan. *The Journal of American History*. 2002. Vol. 89, No. 2.
- Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A.* Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy. M., 2002.
- Voytlovskiy F.G.* Perspektivy iskhoda NATO iz Afganistana. *God Planety 2012. Ekonomika, politika, bezopasnost’: Ezhegodnik / Otv. red. V.G. Baranovskiy.* M., 2012. S. 105–117.
- Zamaraeva N.* Pakistan – Saudovskaya Araviya: strategicheskoe sotrudnichestvo. Ch. 1 // *Novoe Vostochnoe Obozrenie*. 2014. 28 marta. URL: <http://ru.journal-neo.org/2014/03/28/rus-pakistan-saudovskaya-araviya-strategicheskoe-sotrudnichestvo-chast-1/> (data obrashcheniya: 14.04.2014).
- Kosolapov N.A.* Politiko-psikhologicheskii analiz sotsial'no-territorial'nykh sistem. M., 1994.
- Khrustalev M.A.* Analiz mezhdunarodnykh situatsiy i politicheskaya ekspertiza: ocherki teorii i metodologii. M., 2008.
- Shebarshin L.* Ruka Moskvu: zapiski nachal'niki sovetsoyuznoy razvedki. M., 2002. 430 s.